

Зарин Андрей Ефимович

Женщины-героини в 1812 году

**Очерки и рассказы из эпохи Великой
Отечественной войны**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Женщины-героини в 1812 году: Очерки и рассказы из эпохи Великой Отечественной войны / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-85696-6

ISBN 978-5-519-85696-6

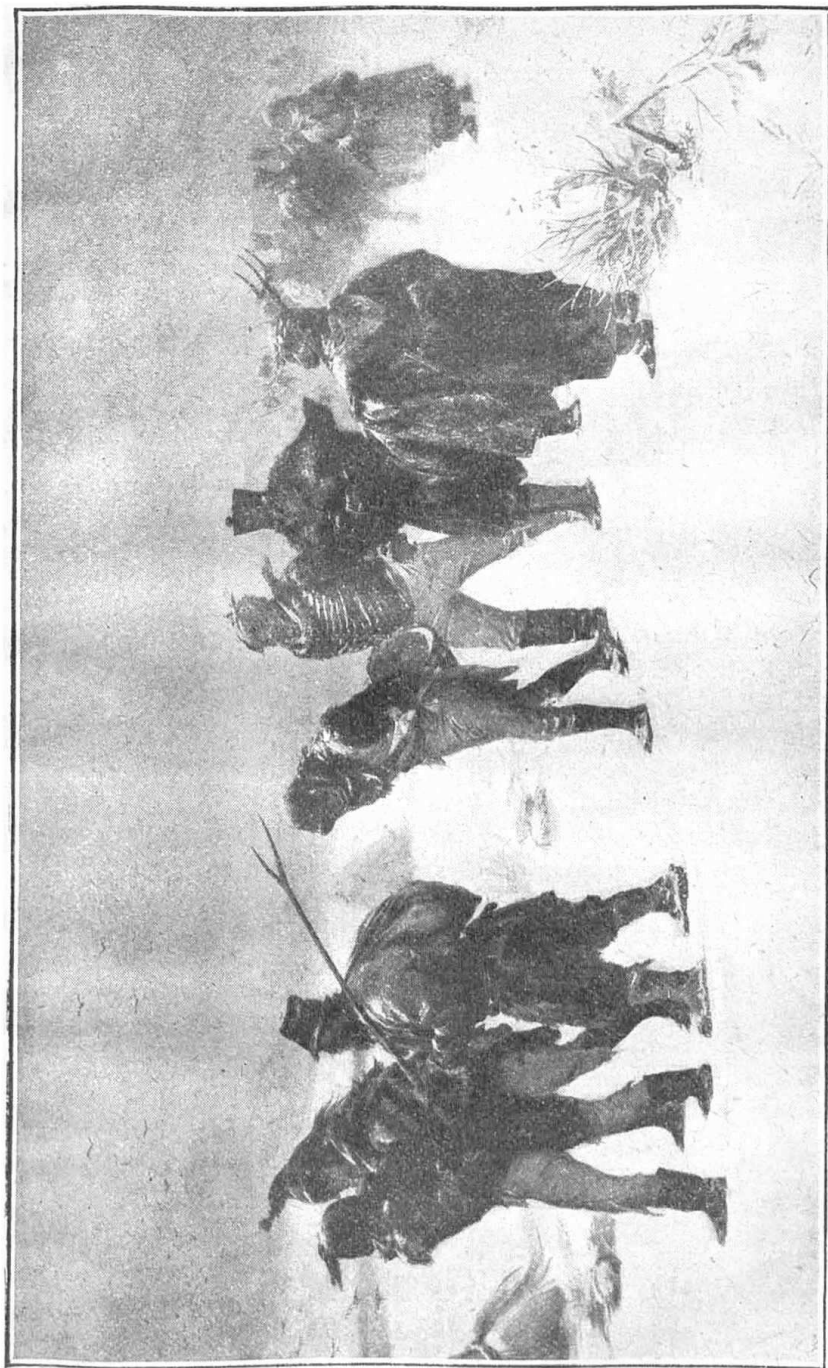
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Мужики и бабы провожают плѣнныхъ французовъ.
(Съ картины И. М. Прянишникова).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

На всемъ громадномъ протяженіи русской исторіи нѣсколько разъ иноплеменники наводняли нашу Родную Землю. И всякій разъ они дорого платили за это.

Съ татарами мы разсчитались на Куликовскомъ полѣ (1380 г.). Въ тяжелое Смутное время наводнили землю нашу поляки, шведы и всякій разбойничій сбродъ; и русскія ополченія, во главѣ съ Мининымъ и Пожарскимъ выгнали поляковъ изъ Москвы, а затѣмъ очистили и всю Русь (1612 г.). Въ 1812 г., въ Россію пришелъ Наполеонъ, приведя съ собою несмѣтныя полчища, и уже черезъ пять мѣсяцевъ бѣжалъ изъ нашей страны въ ужасѣ, бросивъ на произволъ судьбы жалкіе остатки «великой» арміи.

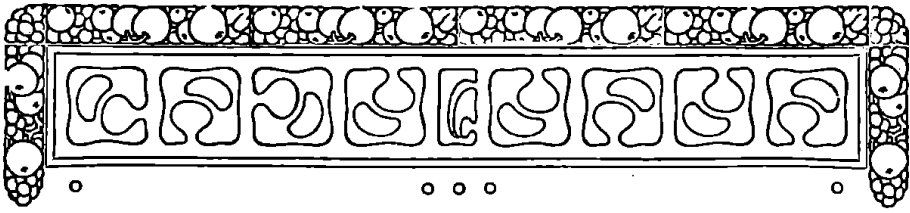
Слова Царя: «не положу оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ царствѣ Моемъ», нашли откликъ въ сердцѣ каждого русскаго человѣка. Вся Россія ополчилась.

Царь и народъ слились во-едино. Отъ крестьянина до перваго вельможи, всѣ горѣли священной местью и никакой врагъ не могъ устоять передъ народной грозой. Ополчились крестьяне, воевали съ врагомъ женщины и даже дѣти.

Къ сожалѣнію, мало сохранилось разсказовъ о женщинахъ-героиняхъ, которыя явились страшными мстительницами за честь Родины и не задумались вступить въ борьбу съ врагомъ, выказывая и силу, и мужество настоящихъ воиновъ.

Вотъ о такихъ-то женщинахъ и составлены наши разказы.

Эти женщины достойны памяти наравнѣ съ другими героями Отечественной войны.

I.

Старостиха Василиса.

Въ началѣ августа 1812 года, французы взяли Смоленскъ, и Наполеонъ со всей своей арміей двинулся по Московской дорогѣ, слѣдомъ за нашими отступавшими арміями.

Въ Смоленскѣ онъ оставилъ часть войска, назначилъ губернаторомъ своего генерала и строго приказалъ ему собрать для всей своей громадной арміи продовольствіе: сѣна, соломы, хлѣба.

Наступили для всей Смоленской губерніи черные дни.

Изъ Смоленска во всѣ стороны выѣзжали и выходили конные и пѣшіе непріятельскіе отряды. Они врывались въ города, села, деревни и тотчасъ же начинали грабить. Брали и увозили все, что было можно; рубили и стрѣляли каждаго, кто оказывалъ сопротивленіе; сжигали дома, а нерѣдко и цѣлыя деревни; оскверняли храмы.

Эти насильники назывались фуражирами. Еще страшнѣе ихъ оказались мародеры. Это были худшіе изъ французскихъ солдатъ, которые убѣгали изъ своихъ полковъ, не желая служить, но, въ то же время, не оставляли арміи, грабили и обогащались за счетъ войны.

Во время похода число ихъ все увеличивалось, и вскорѣ позади французскихъ войскъ образовались громадныя толпы этихъ разбойниковъ. Послѣ каждаго сраженія они кидались на поле битвы и снимали все

цѣнное съ убитыхъ и раненыхъ, какъ нашихъ, такъ и своихъ. Слѣдомъ за арміей они врывались въ города и продолжали грабежъ, начатый солдатами.

Они разсѣялись по Смоленской губерніи и истребляли все на своемъ пути. Разоренные крестьяне убѣгали въ лѣса и прятались здѣсь отъ враговъ.

Былъ жаркій день 15 августа 1812 года.

Крестьяне села Сычавки, Порѣченскаго уѣзда, торопливо обмолачивали снопы. На гумнахъ мѣрно стучали цѣпы. Староста Димитрій ходилъ отъ гумна къ гумну и добродушно покрикивалъ на мужиковъ и бабъ. Вдругъ откуда-то донесся испуганный крикъ: «французъ!»—и оживленная работа сразу окончилась, веселые голоса умолкли.

До сихъ поръ въ Порѣченскій уѣздъ французы еще не заходили.

Димитрій вышелъ на дорогу. Слѣдомъ за нимъ высыпали и мужики съ бабами. Всѣ съ тревогою смотрѣли передъ собою.

Вначалѣ по дорогѣ двигался огромный столбъ пыли, но скоро можно было различить сверкающее оружіе, развѣвающіеся султаны на киверахъ, всадниковъ на коняхъ и огромныя фуры.

— Не иначе, какъ французъ,—сказалъ кто-то.

— Взять бы вилы, да и встрѣтить ихъ честь-честью!—проговорила огромнаго роста и мужественнаго вида жена старосты.

Димитрій съ укоризною покачалъ головою:

— Глупости говоришь, Василиса! Вилами двухъ-трехъ убьешь, а они все село спалятъ. Сила, мать, и солому ломить!

Французскій отрядъ приблизился настолько, что можно было различить даже лица всадниковъ. Впереди скакали офицеръ съ трубачомъ, за ними подвигался отрядъ, человекъ въ сто, а позади колыхались громадныя четыре фуры.

Крестьяне вздохнули и перекрестились.

Отрядъ въѣхалъ въ деревню и наполнилъ улицу. Фырканье коней, звонъ оружія, рѣзкій иноземный говоръ смѣнили тишину.

Офицеръ подскакалъ къ толпѣ и, коверкая языкъ, крикнулъ:

— Старость сдѣсь?

Димитрій оправилъ кушакъ на рубашѣ и выступилъ впередъ.

— Ты старость?—спросилъ офицеръ.

— Я—староста.

Офицеръ обернулся назадъ и что-то крикнулъ. Къ нему подѣхалъ юноша въ яркомъ польскомъ кунтушѣ и польскомъ уланскомъ киверѣ. Офицеръ быстро заговорилъ съ нимъ по-французски, послѣ чего юноша обратился къ Димитрію и сталъ говорить на чистомъ русскомъ языкѣ:

— Императоръ французскій Наполеонъ завоевалъ Россію и волею своею даетъ вамъ всѣмъ свободу. Объяви это всѣмъ мужикамъ. А теперь прикажи собрать все сѣно и весь хлѣбъ. Мы увеземъ съ собою. Въ Смоленскѣ вамъ будетъ за все заплачено. Я запишу все, что возьмемъ.

Въ отвѣтъ на это послышались крики негодованія мужчинъ и плачь женщинъ.

Большая часть солдатъ тотчасъ разбѣжалась по избамъ и начался грабежъ. Въ одномъ мѣстѣ французы ловили по двору куръ и гусей; въ другомъ саблѣй зарубили свинью; два солдата вошли въ избу и ломали сундукъ.

Богатый Еремѣй вздумалъ защищать свое добро и тотчасъ упалъ съ разрубленной головою.

А молодой полякъ говорилъ:

— Вы теперь всѣ—свободные, вольные люди. Никто не смѣетъ васъ обидѣть. Императоръ Наполеонъ—ваша защита. Теперь покажи ваши запасы и начинай сдавать!

Димитрій только кивалъ головою, но при послѣднихъ словахъ выпрямился и отвѣтилъ:

— Ваша сила, вы и берите все, а сдавать я ничего не буду. Вашего Наполеона мы не знаемъ. Есть у насъ свой Царь.

— Что?—закричалъ полякъ и быстро передалъ слова Димитрія офицеру.

— Бетъ!—закричалъ, вспыхнувъ, офицеръ и плашмя саблею ударилъ Димитрія. Димитрій покачнулся.

— Веди сейчасъ и показывай, что есть! — крикнулъ полякъ.

— Иди самъ. Я тебѣ не указчикъ. Вонъ твои разбойники сами нашли дорогу! — отвѣтилъ храбро Димитрій.

Полякъ ударилъ его плетью.

— Кабы былъ ты не на конѣ...— съ яростью проговорилъ Димитрій, сжимая кулаки.

— Грозить?! Мнѣ грозить?!

Въ воздухѣ сверкнула сабля, и Димитрій упалъ съ разрубленной головою.

— Онъ бранилъ императора и французовъ, — сказалъ полякъ офицеру по-французски, вытирая о чепракъ окровавленную саблю.

— Да!—съ веселой улыбкой сказалъ офицеръ и приказалъ собирать фуражъ, т.-е. все сѣбное, хлѣбъ и сѣно.

Солдаты бросились къ гумнамъ и стогамъ. Крики, плачь и стоны наполнили воздухъ. Французы быстро набивали огромныя фуры, тащили за рога коровъ, волокли свиней и битую птицу.

Еще солнце не закатилось, когда отрядъ французскихъ фуражировъ, наполнивъ фуры хлѣбомъ и сѣномъ, забравъ весь рогатый скотъ и всю живность, выѣхалъ изъ села.

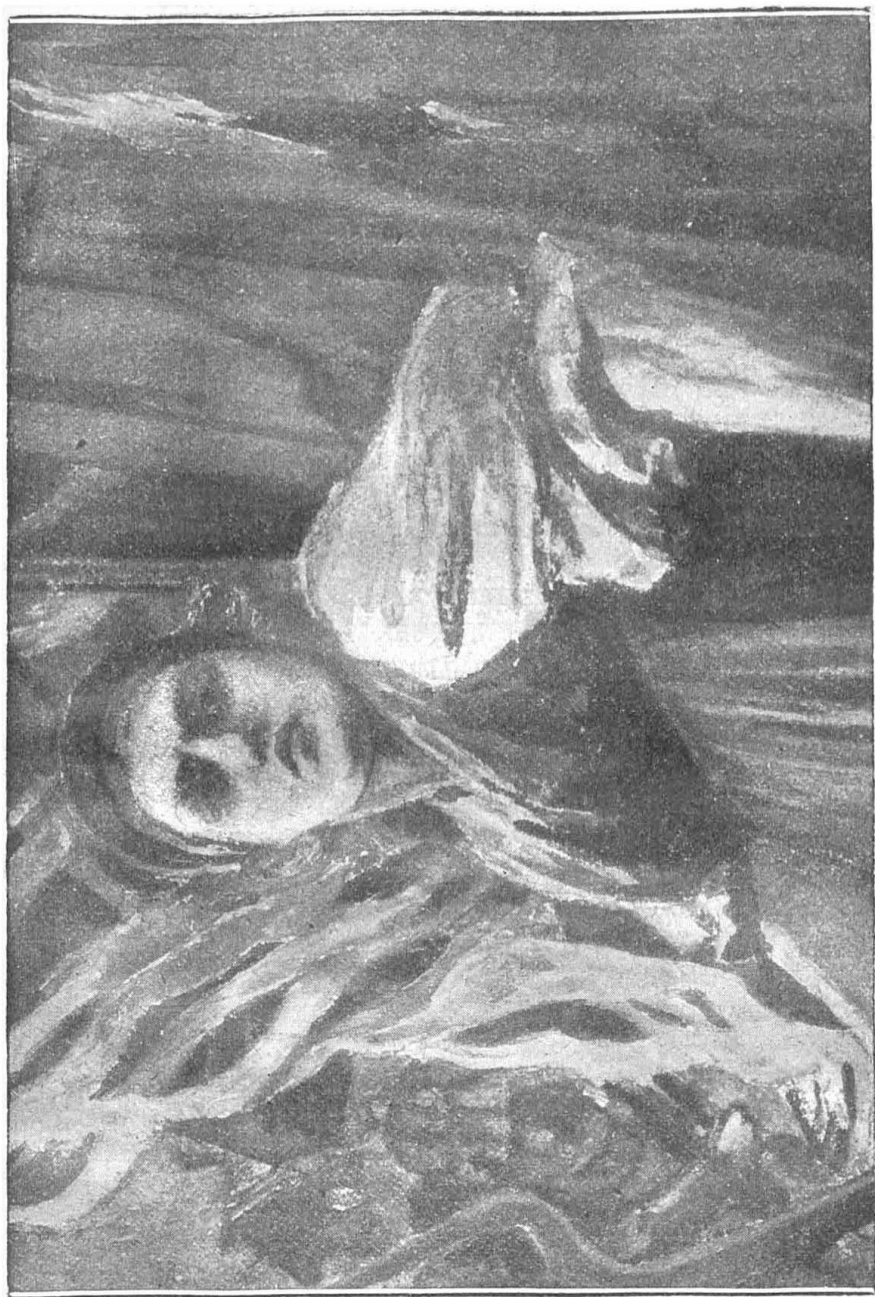
Мрачные, убитые горемъ собрались крестьяне передъ старостиной избой. Въ нѣсколько часовъ весь ихъ небольшой достатокъ былъ расхищенъ; въ избѣ на лавкѣ лежалъ трупъ старосты Димитрія; въ сосѣдней избѣ лежалъ убитый Еремѣй.

Никто не находилъ ни мыслей, ни словъ въ такомъ бѣдствіи. Въ это время на крыльцо вышла вдова Димитрія, Василиса, женщина богатырскаго роста. Мужественное лицо ея горѣло гнѣвомъ.

— Что стоите? — заговорила она. — Надо за умъ браться: какъ горю пособить. Ограбили, да не разорили. Сѣна набрать еще можно. Дни жаркіе, трава подросла, и покосить можно. Что до хлѣбушка—и тутъ обернемся. Пока что старосту выберете.

Мужики оживились и сразу загалдѣли. Скоро стали раздаваться отдѣльные голоса, которые быстро слились въ одинъ крикъ:

— Зачѣмъ намъ выбирать! Будь ты на мѣсто мужа. Ты—баба съ головой. Будь старостой!

Василиса справляет поминки по убитомъ мужѣ.
(Рис. Е. П. Самокишъ-Судковской для нашего изданія).

Василиса не удивилась этому, а степенно поклонилась и сказала:

— Кланяюсь міру на чести. Буду служить вѣрою и правдой честному міру.

На другой день похоронили покойниковъ, и закипѣла работа. Часть крестьянъ уѣхала въ близкую Псковскую губернію купить хлѣба, часть пошла на луга и занялась сѣнокосомъ.

На время село оправилось.

Подходилъ конецъ августа, когда въ избу Василисы вбѣжала дѣвушка и испуганно сказала:

— Опять французъ!

Василиса накинула зипунъ и вышла изъ избы.

На улицѣ толпились мужики и съ тревогою смотрѣли на дорогу, по которой двигался небольшой вражескій отрядъ.

Василиса обратилась къ толпѣ и властнымъ голосомъ сказала:

— Теперь меня слушайте, старостиху свою! Нынче мы по Димитрію и Еремѣю поминки справимъ. Андрей, твоя изба крайняя... Бѣги скорѣй! Выноси все добро, окромя стола да скамеекъ. Ты, Дуняша, иди ко мнѣ и носи мнѣ хлѣба коровай, да подносъ возьми, да полотенце шитое! Скорѣе! А вы все пиво соберите! Ну, ну!

Пока она говорила властнымъ, отрывистымъ голосомъ, Дуняша вернулась съ подносомъ, полотенцемъ и хлѣбомъ, а непріятельскій отрядъ уже подходилъ къ околицѣ. Весь отрядъ состоялъ изъ 18 пѣхотинцевъ съ офицеромъ. Громко смѣясь, они вступили въ деревню, и тотчасъ, на удивленіе всѣхъ сычевцевъ, старостиха Василиса выдвинулась впередъ, поклонилась въ поясъ офицеру и, подавая ему на подносѣ хлѣбъ, накрытый полотенцемъ, сказала:

— Милости просимъ, гости дорогіе, не откажитесь хлѣбъ-соль принять.

При отрядѣ оказался свой полякъ, который тотчасъ перевелъ рѣчь Василисы.

— Бонъ, бонъ,—сказалъ офицеръ и улыбнувшись, взялъ подносъ съ хлѣбомъ. Онъ ~~еще~~ полотенце и

запихнулъ его себѣ за кушакъ, а поднось съ хлѣбомъ отдалъ солдатамъ.

— Примите и угощеніе!—сказала, кланяясь, Василиса.

— Ой, добрая баба!—воскликнулъ полякъ.—Веди насъ!

Василиса съ поклонами повела всѣхъ къ дальней избѣ Андрея.

Весело лопоча по-своему и громко смѣясь, въ избу вошли всѣ 18 человѣкъ и разсѣлись вокругъ стола.

Василиса, кланяясь, налила всѣмъ крѣпкаго пива, а потомъ велѣла подавать хлѣбъ, вареное мясо, пироги изъ своей печи.

Все село дивилось, но слушало Василису, потому что вѣрило въ ея умъ.

Французы съ жадностью истребляли все, что имъ подавали, и безъ мѣры пили крѣпкое пиво. Гости, видимо, захмѣлѣли. Сталъ слышаться глупый смѣхъ, возгласы, кто-то запѣлъ пѣсню... Одинъ откинувшись къ стѣнѣ и захрапѣлъ.

Василиса разлила снова всѣмъ пиво, поставила на столъ кувшинъ и вышла къ стоявшимъ на улицѣ мужикамъ.

Все лицо ея было озарено дикой злобой, глаза горѣли, она словно еще выросла и казалась богатыремъ.

— Слушайте, братцы,—заговорила она торопливымъ голосомъ,—несите теперь соломы, рухляди, щепокъ да обкладывайте избу, живѣе только! Они, собачьи дѣти, совсѣмъ перепились. Я двери запру и подожгу. Будутъ поминки! А у оконъ вы, ребята, съ дубемъ. Какъ кто полѣзетъ,—мазадъ его!

Мужики даже вздрогнули отъ такого приказа, но ненависть къ врагу была такъ сильна, месть за убитыхъ казалась такъ справедливой, что они безъ возраженій бросились исполнять приказъ своей старости.

Когда все было готово, Василиса сказала:

— Ну, давайте править поминки! Твоя изба, Андрей, ты и запаливай. Михей, Антонъ, Кузьма, Яковъ, становитесь подъ окнами. Ну, а я дверь подопру!..

Она вошла въ сѣни, закрыла первую дверь, задвинувъ ее тяжелой кадкой; потомъ вышла, захлопнула наружную дверь и крѣпко подперла ее доской.